

Чжун Жуйчжи проспал до половины одиннадцатого и проснулся только тогда, когда Цан Ицзин вошёл в комнату.

Цан Ицзин потрогал его щёку.

— Жена, вставай.

— Кто твоя жена? Не выдумывай, — сказал он, но его тон и состояние были такими же нежными, как у маленькой жены.

Чжун Жуйчжи внешне был мужественным, хотя и красивым, но совсем не слабым, без намёка на женственность. Но перед Цан Ицзином он всегда был как маленький, нуждающийся в его заботе.

Он знал, что если будет спать дальше, это вызовет подозрения, поэтому, как обычно, сначала обнял Цан Ицзина, чтобы прийти в себя, а потом встал и пошёл умываться.

Цан Ицзин помог ему надеть носки и обувь.

Эти вещи Чжун Жуйчжи не позволял делать никому с трёх лет, даже самым близким, даже бабушкам и дедушкам, он всегда настаивал на том, чтобы делать это сам.

Но перед Цан Ицзином он был действительно младше трёхлетнего ребёнка.

Цзин Гэ был готов на всё, будь то его капризы, эмоции или даже пинки и жестокие слова, Цзин Гэ не злился, он всегда был готов защищать его и баловать.

Он был счастлив, и он знал, что чем быстрее он принимал это, тем счастливее был его Цзин Гэ.

Вода для чистки зубов и умывания была тёплой, каждая прядь волос была ухожена.

— Как вкусно пахнет, это красная фасоль! — сказал он, войдя в кухню.

Красная фасоль, томившаяся на маленькой печке, была густой и ароматной.

Жо Мэй уже приготовила миски и ложки, сидя на своём стульчике и болтая ногами в ожидании еды.

— Осталось немного, — сказала Хуан Сюйцзюань. — Цзин сказал, что это фасоль, которую вы посадили вместе в прошлом году, когда вы спросили, когда её можно будет есть, а когда собирали, вы были в Пекине на лечении. После сдачи государству каждой семье досталось

немного, Жо Мэй тоже любит её, так что осталось совсем немного, Цзин спрятал её, чтобы сохранить, скорее налейте себе миску, я только что видела, как он добавил туда три ложки сахара.

Вот видишь, он всё помнит.

Чжун Жуйчжи разделил красную фасоль из кастрюльки пополам с Жо Мэй, а остальное отнёс в свою комнату с Цан Ицзином.

— Тётя, я отнесу и разделю с Цзин Гэ, — сказал он и ушёл.

Он взял только одну ложку.

С постепенным потеплением два снеговика во дворе тоже начали таять. Чжун Жуйчжи кормил Цан Ицзина красной фасолью, и бобы таяли во рту.

— Как сладко, — сказал Цан Ицзин.

Чжун Жуйчжи ответил:

— Тогда в этом году мы снова посадим фасоль.

— Каждый год, если ты захочешь, я всё приготовлю, — сказал Цан Ицзин, держа руку с ложкой и прижимаясь к нему, чтобы попробовать фасоль из его рта.

Чжун Жуйчжи смущённо отстранился.

— Не забирай из моего рта.

Когда последний порыв северного ветра утих, снеговики растаяли.

Чжун Жуйчжи сидел за маленьким столом, подперев щёку, и смотрел на это с грустью.

— В следующем году снова слепим, — сказал Цан Ицзин, закончив английский тест, который дал ему Чжун Жуйчжи.

Чжун Жуйчжи обнял его, прислонившись к его спине.

— Хорошо.

Цан Ицзин хотел притянуть его к себе, но Чжун Жуйчжи отпустил и сел обратно.

— Не получишь поцелуй, пока не наберёшь сто баллов.

В последнее время он становился всё более наглым, всегда хотел обниматься и целоваться, ночью он ещё сдерживался. Если Чжун Жуйчжи не соглашался, он не настаивал.

Частота была примерно раз или два в неделю, что было приемлемо для Чжун Жуйчжи.

Наступил сезон весеннего посева, и в бригаде было много дел, Цан Ицзин каждый день был занят до захода солнца, а иногда и до девяти или десяти вечера. У Чжун Жуйчжи не было дополнительных обязанностей, ему нужно было только выполнять свою ежедневную работу.

И из-за его больной ноги он обычно делал самые лёгкие задания.

Поэтому каждый день после работы он помогал Жо Мэй с уроками, терпеливо ожидая, когда Цзин Гэ вернётся домой.

Наступил май, и вишни снова созрели.

Пару месяцев назад семья Чжун Жуйчжи прислала ему большой шкаф, так как его вещей становилось всё больше, и шкаф Цан Ицзина уже не вмещал их.

Цзян Цзяньтао помог занести его в комнату, внутри висела одежда, но шкаф не был полон, так как Чжун Жуйчжи всё ещё любил хранить свои вещи в шкафу Цан Ицзина.

В пятницу Цан Жоумэй вернулась из школы раньше, так как началась весенняя посевная, и её никто не встретил, поэтому она сама пошла домой.

Дома она перекусила, попила воды и, рассчитав время, когда Чжун Жуйчжи закончит работу, решила поиграть в прятки, чтобы напугать его, и спряталась в его шкаф.

Шкаф был плотно закрыт, только ручка была сломана при перевозке, и в ней была дырочка, через которую можно было видеть наружу.

Это как раз подходило Цан Жоумэй, она могла наблюдать за «врагом» через дырочку, а снаружи её не было видно.

Шкаф перед доставкой был пропитан ароматом белых магнолий больше месяца, и, сделанный из хорошего дерева, он не имел странного запаха, а наоборот, был очень ароматным. Примерно через десять минут Цан Жоумэй заснула.

Когда она снова услышала шум и проснулась, через дырочку она увидела, что Чжун Жуйчжи уже сидит за письменным столом.

На столе стоял маленький керамический кувшин с широким дном и узким горлышком, который нашёл Цан Ицзин. Весной было много полевых цветов, и он каждые несколько дней срывал несколько, чтобы поставить их в воду.

Потому что Чжун Жуйчжи это нравилось.

На столе также стояла миска с вишнями, без сомнения, это братец сорвал их для него.

Цан Жоумэй уже собиралась выскочить и напугать его, как вдруг увидела, что Цан Ицзин вошёл в комнату с букетом только что сорванных цветов.

Ха, как раз, чтобы напугать их обоих.

Она увидела, как братец Жуйчжи с улыбкой встал, взял цветы, поменял их в кувшине, даже не успел выбросить старые, просто поставил их на стол и тут же обнял братца, сказав тем мягким и нежным голосом, который она никогда раньше не слышала.

— Сегодня ты вернулся так рано.

Он взял вишню, положил её в рот и поднёс к Цан Ицзину, чтобы накормить его.

Цан Ицзин с улыбкой взял вишню губами.

И затем, с этой ягодой, они поцеловались глубоко.

Маленькая вишня была раздавлена поцелуем, и сок вытек из уголков их рта, а косточка, в пылу поцелуя, стучала о зубы, издавая звук.

Они целовались так долго, что не хотели отпускать.

Цан Ицзин выплюнул косточку и вытер сок с губ Чжун Жуйчжи.

Чжун Жуйчжи с готовностью поднял свою тонкую белую шею, и следы зубов остались на его кадыке.